

UDC: 82.091: 82. 091: 821.161.2 + 821.161.1

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МОТИВА СМЕРТИ В НОВЕЛЛЕ В. СТЕФАНИКА «ПОВЕСИЛСЯ» И РАССКАЗЕ А. ЧЕХОВА «ТОСКА»

Наталія Ботнаренко

Кандидат филологических наук, преподаватель,
Кафедра мировой литературы и сравнительного литературоведения,
Прикарпатский национальный университет имени Василя Стефаника (УКРАИНА),
76018, г. Ивано-Франковск, ул. Шевченко, 57,
e-mail: nataliia.botnarenko@pu.if.ua

РЕФЕРАТ

Цель. Статья посвящена исследованию семантики мотива смерти в новелле В. Стефаника «Повесился» и рассказе А. Чехова «Тоска». **Исследовательская методика.** В работе использованы историко-литературный, сравнительно-типологический, культурно-исторический методы. **Результаты.** Под углом сравнительного анализа проанализирована семантика мотива смерти в новелле В. Стефаника «Повесился» и рассказе А. Чехова «Тоска», в частности определены особенности символики, колористики, художественного времени и пространства, ритуала в художественных текстах. **Научная новизна.** В работе впервые с помощью сравнительного анализа исследованы особенности семантики мотива смерти в новелле В. Стефаника «Повесился» и рассказе А. Чехова «Тоска». **Практическое значение.** Материал статьи может быть использован при дальнейшем изучении литературного процесса эпохи пограничья конца XIX – начала XX вв., в частности творчества В. Стефаника и А. Чехова.

Ключевые слова: экзистенциальность, пограничная ситуация, мотив, семантика.

BOTNARENKO NATALIJA. INTERPRETATION OF THE MOTIF OF DEATH IN V. STEFANYK'S SHORT STORY «EXECUTED HIMSELF» AND A. CHEKHOV'S STORY «MELANCHOLY»

Nataliia Botnarenko

Ph.D in Philology, Lecturer,
Department of World Literature and Comparative Literary Criticism,
Vasyl Stefanyk Precarpathian National University (UKRAINE),
76018, Ivano-Frankivsk, 57, Shevchenka str.,
e-mail: nataliia.botnarenko@pu.if.ua

ABSTRACT

Aim. The article deals with the research of the motif of death in V. Stefanyk's short story «Executed himself» and A. Chekhov's story «Melancholy». **Methods.** In the article has been applied literary-historical, typological and comparative cultural and historical methods. **Results.** In scope of comparative analysis there has been studied the semantics of the motif of death in V. Stefanyk's short story «Executed himself» and A. Chekhov's story «Melancholy», in particular there have been defined the peculiarities of the symbols, colors, artistic time and space and ritual in the texts. **Scientific novelty.** In the article the peculiarities of the motif of death in V. Stefanyk's short story «Executed himself» and A. Chekhov's story «Melancholy» are studied from the point of view of comparative literature for the first time. **The practical significance.** Material of the article can be used for further study of the literary process of the late 19th – early 20th century, including works by V. Stefanyk and A. Chekhov.

Key words: existentiality, boundary situation, motif, semantics.

ІНТЕРПРЕТАЦІЯ МОТИВУ СМЕРТІ У НОВЕЛІ ВАСИЛЯ СТЕФАНІКА «СТРАТИВСЯ» Й ОПОВІДАННІ А. ЧЕХОВА «ТУГА»

Наталія Ботнаренко

Кандидат філологічних наук, викладач,
Кафедра світової літератури і порівняльного літературознавства,
Прикарпатський національний університет імені Василя Стефаника (УКРАЇНА),
76018, м. Івано-Франківськ, вул. Шевченка, 57,
e-mail: nataliia.botnarenko@pu.if.ua

РЕФЕРАТ

Мета. Стаття присвячена дослідженню семантики мотиву смерті у новелі В. Стефаника «Стратився» та оповіданні А. Чехова «Туга». **Дослідницька методика.** У роботі використані історико-літературний, порівняльно-типологічний, культурно-історичний методи. **Результати.** Під кутом компаративного аналізу проаналізована семантика мотиву смерті в новелі В. Стефаника «Стратився» та оповіданні А. Чехова «Туга», зокрема визначено особливості символіки, колористики, художнього часу і простору, ритуалу в художніх текстах. **Наукова новизна.** У роботі вперше за допомогою компаративного аналізу досліджено особливості семантики мотиву смерті у новелі В. Стефаника «Стратився» та оповіданні А. Чехова «Туга». **Практичне значення.** Матеріал статті може бути використаний при подальшому вивченні літературного процесу епохи помежів'я кінця XIX – початку XX ст., зокрема творчості В. Стефаника і А. Чехова.

Ключові слова: екзистенційність, межова ситуація, мотив, семантика.

Именно в период конца XIX – начала XX в. писатели начали усиленно углубляться во внутренний мир человека, его сознание, а также в бессознательное, метафизическое. В частности, экзистенциальные проблемы «жизни и смерти», значимости человека в этом мире или, наоборот, его незначительности, стали предметом внимания практически всех писателей эпохи пограничья. Так, большинство исследователей творчества В. Стефаника наблюдают трагическое мировоззрение писателя с тяготением к описанию аффективных состояний сознания человека. Как отмечает С. Хороб, «...в прозе Василия Стефаника немало мотивов и образов, тесно сопряженных с катастрофизмом...» [4, с. 257]. Так же Н. Е. Разумова указывает, что смерть является одним из основных онтологических вопросов в художественной картине Чехова, характеризующий всю систему авторских ценностей [см.: 6, с. 445].

Что характерно, в творчестве В. Стефаника и А. Чехова мотив смерти представлен в различных вариантах и выражениях. Этот мотив встречается чрезвычайно часто (что не может не удивлять) и удерживает в себе разнообразную семантику.

Возникает вопрос: почему писателей так интересовала эта проблема? Ведь «...смерть героя всегда – модель смерти автора как человека, какой он ее себе представляет» [6, с. 445]. Очень интересными являются мысли В. Стефаника и А. Чехова, зафиксированные в письмах, где писатели поразительно похоже подходят к феномену смерти, именно в экзистенциальном духе. Смерть как явление их не пугает, отношение писателей к этому явлению совершенно спокойное:

Стефаник: «В начале января этого года я тяжело заболел на мозговой удар, а через неделю имел воспаление легких <...>. Врачи решили, что состоя-

ние мое плохое, и я тогда продиктовал Вам письмо с содержанием, чтобы Вы <...> справили мне скромный похорон»¹ (к Кириллу Студинскому от 9 февраля 1930); «В течении нескольких недель я болел, думал покинуть этот прекрасный мир и потому, эксцеленции, извините, не прислал благодарность за Ваш владычий дар»² (к Андрею Шептицкому от 2 февраля 1935); «Одна мама умерла, вторая хочет уже умирать, а меня некому к себе взять»³ (к В. И. Морачевскому от декабря 1898).

Чехов: «Когда я бываю серьезен, то мне кажется, что люди, питающие отвращение к смерти, не логичны. Насколько я понимаю порядок вещей, жизнь состоит только из ужасов, дрязг и пошлостей, мешающихся и чередующихся» [1, с. 291–292] (к М. В. Киселёвой от сентября 1886); «Пишите мне, пожалуйста. Что Вы не были на похоронах Свободина, это хорошо. Вообще никогда не ходите на похороны» [1, с. 312] (к А. С. Суворину от октября 1892); «...слабости нет, но снятся архимандриты, будущее представляется весьма неопределенным и, хотя процесс зашел еще не особенно далеко, необходимо все-таки, не откладывая, написать завещание» [1, с. 334] (к А. П. Чехову от апреля 1897).

Несмотря на такое экзистенциалистское отношение В. Стефаника к явлению смерти, для героев его художественного мира смерть остается тайной, феноменом. На это указывает Т. Ткачук: «...В. Стефаник уводит героев, с одной стороны, в обычную крестьянскую среду, где они должны найти способы выживания в безвыходных ситуациях, с другой – во всемирные измерения, где душа продолжает свое существование после смерти» [9, с. 10]. В произведениях А. Чехова, напротив, читателя действительно поражает отсутствие какой бы то ни было тайны в изображении мотива смерти, обыденное отношение героев к этому явлению. «Вообще приравнивание жизни и смерти, – пишет Р. Киреев, – последовательное, хотя и ненавязчивое приравнивание жизни к смерти, нежелание видеть принципиального отличия между ними очень даже характерно для Чехова» [5, с. 201].

Поэтому доминантным в малой прозе В. Стефаника и А. Чехова является функционирование мотива смерти по двум основным типам. По первому типу герои воспринимают смерть как явление земное, обыденное и могут ожидать смерть как избавление от абсурдности бытия. Такая семантика указанной категории превалирует в творчестве А. Чехова («Актерская гибель», «Следователь», «Скучная история», «Палата № 6», «Скрипка Ротшильда», «Черный монах», «Мужики», «Скука жизни», «Смерть чиновника», «Скорая помощь», «Женское счастье» и др.). А второй тип представляет семантику смерти как страшного явления, где человек испытывает страдания, страх. Второй тип в большей мере

¹ «На початку січня цього року я тяжко захорував на мозговий удар, а в тиждень пізніше мав запалення легенів <...>. Лікарі осудили, що стан мій грізний, і я тоді продиктував Вам лист зі змістом, щоби Ви <...> справили мені скромний похорон» [8, с. 273]. (Перевод на русский язык писем В. Стефаника наш. – Н. Б.).

² «Від кількох тижнів я хорував, вже думав покинути цей прегарний світ і тому, эксцеленціє, даруйте, що не прислав подяки за Ваш владычий дар» [8, с. 274].

³ «Одна мама умерла, другая хочет уже умирать, а мене нема кому до себе взяти» [8, с. 265].

представлен в творчестве В. Стефаника («Повесился», «Одна одинешенька», «Катруся», «Межа», «Новость», «Мать», «Случай с детьми» и др.).

Семантика мотива смерти по второму типу художественно представлена в новелле В. Стефаника «Повесился» и рассказе А. Чехова «Тоска». В центре обоих произведений – экзистенциальная пограничная ситуация, а именно «смерть сына». Эти два небольших по объему произведения передают страшную боль потери – родители «оплакивают» своих умерших детей. Одиночество и отчуждение героев подчеркивается тем, что оба родителя «говорят в пустоту». В новелле В. Стефаника в углу на скамейке старый мужик плачет: «Чтоб никто не видел его слез, он прятал голову в богато расшитую суму-тайстру. Слезы падали, как дождь. Как неожиданный дождь, что внезапно начинается и тот час же стихает» [7, с. 7]. В рассказе Чехова старый извозчик Иона хочет поделиться своим горем с другими людьми, но его никто не слышит, и единственное, что остается герою – рассказать о своей потере кобыле: «Он одевается и идет в конюшню, где стоит его лошадь. Думает он об овсе, сене, о погоде... <...>. – Так-то, брат кобылочка... Нету Кузьмы Ионыча... Приказал долго жить... Взял и помер зря... Таперя, скажем, у тебя жеребеночек, и ты этому жеребеночку родная мать... И вдруг, скажем, этот самый жеребеночек приказал долго жить... Ведь жалко?» [2, с. 65]. В этом случае мы видим нивелирование ритуала у Чехова, ведь герой точно знает, что нужно «...поговорить с толком, с расстановкой... Надо рассказать, как заболел сын, как он мучился, что говорил перед смертью, как умер... Нужно описать похороны и поездку в больницу за одеждой покойника. <...> Да мало ли о чем он может теперь поговорить? Слушатель должен охать, вздыхать, причитывать...» [2, с. 64]. Поэтому разговор со старой кобылой является горькой иронией в произведении. Зато ритуал в новелле Стефаника сохраняется несмотря на алогичность ситуации – самоубийство сына: «Слезы капали на мертвого и на холодную белую плиту. Мужик, плача, обряжал сына. Надел на него белую вышитую рубаху, богатый пояс, шапку с павлиньими перьями. Под голову положил расписную тайстру и свечу в головах поставил, чтоб горела по загубленной душе» [7, с. 9].

Уже в начале новеллы В. Стефаника «Повесился» и рассказа А. Чехова «Тоска» нараторы настраивают читателя на негативное восприятие. Природные стихии коррелируют с внутренним состоянием персонажей: «Накрапывал дождь. Мужик совсем съезжился и стал молиться» [7, с. 8] («Повесился»); «Вечерние сумерки. Крупный мокрый снег лениво кружится около только что зажженных фонарей и тонким мягким пластом ложится на крыши, лошадиные спины, плечи, шапки. Извозчик Иона Потапов весь бел, как привидение» [2, с. 60] («Тоска»). Не случайно, стихии дождя и снега сопровождают мотив смерти в произведениях, ведь они подчеркивают стихийность, алогичность ситуации – смерть детей. И белый цвет, неоднократно встречающийся в небольших фрагментах, меняет свое значение «чистоты», «невинности» на семантику смерти: «Миколай лежал в мертвецкой на большой белой плите» [7, с. 9], «Слезы капали на мертвого и на холодную белую плиту. Мужик, плача, обряжал сына. Надел на него белую вышитую рубаху...» [7, с. 9] (Стефаник);

«Извозчик Иона Потапов весь бел, как привидение» [2, с. 60], «Бледность фонарных огней...» [2, с. 60], «Мокрый снег опять красит набело его и лошаденку» [2, с. 62] (Чехов).

Как и природная стихия, так и топос большого города передан враждебно по отношению героям, которые испытывают одиночество, бесполезность в нем. Большой город у писателей приравнивается к аду, водовороту: «Поезд добежал до большого города. Мужик выходил с толпой. На улице остался один. Стены, стены, а между стенами дороги, а вдоль дорог тысячи огней на одну бечеву нанизаны. Огни тонули во мгле, дрожали. Вот-вот сорвутся и настанет черный ад» [7, с. 8] (Стефаник); «...и бросили сюда в этот омут, полный чудовищных огней, неугомонного треска и бегущих людей» [2, с. 60] (Чехов). Поэтому свет, который должен содержать в себе положительную, живительную семантику, утопает во тьме: «Огни тонули во мгле, дрожали» (Стефаник), «...омут, полный чудовищных огней...» (Чехов).

Отсюда наблюдаем трансформацию художественного времени и пространства в произведениях. В новелле «Повесился» художественное время и пространство расширяются до космических масштабов, что подчеркивает всеобщность трагедии: «Поезд летел в просторы» [7, с. 7], «Поезд бежал в просторах» [7, с. 8]. Чехов в рассказе «Тоска», наоборот, акцентирует внимание на состоянии «неподвижности»: «Он согнулся, насколько только возможно согнуться живому телу, сидит на козлах и не шевельнется. Упади на него целый сугроб, то и тогда бы, кажется, он не нашел нужным стряхивать с себя снег... Его лошаденка тоже бела и неподвижна» [2, с. 60], «Иона и его лошаденка не двигаются с места уже давно» [2, с. 60], «Проходит час, другой...» [2, с. 62], «...Иона долго глядит вслед гулякам, исчезающим в темном подъезде. Опять он одинок, и опять наступает для него тишина...» [2, с. 63]. «Тишина» в данном случае возникает не случайно, ведь эпитет «мертвый» довольно часто употребляется со словом «тишина» («мертвая тишина»). И все же, Чехов, как и Стефаник, расширяет пространство до космических масштабов, когда подчеркивает страдания героя: «Тоска громадная, не знающая границ. Лопни грудь Ионы и вылейся из нее тоска, так она бы, кажется, весь свет залила...» [2, с. 63].

В связи с таким неожиданным вторжением смерти в мир живых, с «неестественностью» ситуации, родители в произведениях хотят «уйти» вместе с детьми в потусторонний мир: «И мне бы вместе с Миколой лечь в могилу! Пусть бы хоть гнили рядом, коли жить вместе не суждено. Пусть над нами и пес не залает на чужбине, лишь бы вместе. Как же ему одному-то на чужой стороне?!» [7, с. 8] (Стефаник). В новелле возникает четкая оппозиция «свой / чужой», где потусторонний мир воспринимается как враждебный, полный опасностей. Отец понимает, что сын, закончив жизнь самоубийством, попадет скорее не в лучший мир: «Скажи ты мне, сколько отслужить панахид, сколько раздать на бедных, чтоб тебе господь греха не зачел?...» [7, с. 9]. Так же герой рассказа Чехова желает как можно скорее «уйти» к сыну, осознает свой путь: «Таперя у меля одна жена – сырая земля... Хи-хо-хо... Могила, то есть!.. Сын-то вот помер, а я жив... Чудное дело, смерть дверью обозналась... Заместо того, чтоб ко мне идтить, она к сыну...» [2, с. 63].

Таким образом, В. Стефаник и А. Чехов воссоздали в своем творчестве как общее кризисное состояние эпохи конца XIX – начала XX в., так и внутренний мир человека эпохи пограничья, что нашло свое отражение и в интерпретации мотива смерти. В частности, справедливо отметил В. Б. Катаев, что Чехов увидел универсальную, общечеловеческую проблему литературы следующего XX века – тему некоммуникабельности, разобщённости, одиночества человека среди людей, и все это позже найдёт свое отражение в произведениях Кафки, Камю, Абэ [см.: 3, с. 194].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И. А. О Чехове / Иван Алексеевич Бунин. – Нью-Йорк: Изд-во им. А. П. Чехова, 1955. – 412 с.
2. Чехов А. П. Рассказы / Антон Павлович. – Ленинград : Лениздат, 1972. – 288 с.
3. Чехов А. П. Энциклопедия / [сост. и науч. ред. В. Б. Катаев]. – Москва : Просвещение, 2011. – 696 с.
4. Хороб С. Есхатологічний тип художнього мислення в новелістиці Василя Стефаника (Функціонування есхатологічного напрямку) / С. Хороб // Шевченко. Франко. Стефаник : матер. міжнар. наук. конф. / Прикарпатський ун-т; [ред.кол.: Кононенко В. І., Грещук В. В., Салига Т. Ю., Хороб С. І.]. – Івано-Франківськ, 2002. – С. 256–265.
5. Киреев Р. Чехов. Посещение Бога / Р. Киреев // Нева. – 2004. – № 7. – С.189–217.
6. Разумова Н. Е. Творчество А. П. Чехова в аспекте пространства / Нина Евгеньева Разумова. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. – 522 с.
7. Стефаник В. Новеллы / Василь Стефаник. – Москва: Наука, 1983. – 288 с.
8. Стефаник В. Моє слово: Новели, опов., автобіогр. та критич. матеріали, витяги з листів / Василь Стефаник ; [упоряд., передм. та приміт. Л. С. Дем'янівської]. – [2-ге вид., доп.] – Київ : Веселка, 2000. – 319 с.
9. Ткачук Т. О. Станіслав Пшибишевський і українська література кінця XIX – початку XX століття: рецепція і типологія: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10. 01. 05 «Порівняльне літературознавство / Т. О. Ткачук. – Тернопіль, 2011. – 20 с.

REFERENCES

1. Bunin, I. A. (1955), *About Chekhov* [*O Chekhove*], Izdatelstvo im. A.P. Chekhova, New York, 412 p. (in Russian).
2. Chekhov, A. P. (1972), *Stories* [*Raskazy*], Lenizdat, Leningrad, 288 p. (in Russian).
3. (2011), *Chekhov, A. P. Encyclopedia*, in Katayev, V. B. (Ed.), [*Chekhov, A.P. Entciklopediya*], Prosveshchenie, Moscow, 696 p. (in Russian).
4. Khorob, S. (2002), “Eschatological type of creative thinking in the short stories by Vasyl Stefanyk (functioning of the eschatological direction)”. *Shevchenko. Franko. Stefanyk. Materials of the International Scientific Conference* [“Eskhatolohichnyi typ khudozhnoho myslennia v novelistytsi Vasyla Stefanyka (Funktsionuvannia eskhatolohichnoho napriamu)”], Shevchenko. Franko. Stefanyk. Materialy mizhnarodnoi naukovoï konferentsii], Ivano-Frankivsk, p. 256-265. (in Ukrainian).
5. Kireev, R. (2004), “Chekhov. Visiting God” [“Chekhov. Poseshchenie Boga”], *Neva*, No. 7, p. 189-217. (in Russian).
6. Razumova, N.E. (2001), *Works by A. P. Chekhov in the aspect of space* [*Tvorchestvo A.P. Chekhova v aspekte prostranstva*], Izdatelstvo Tomskogo universiteta, Tomsk, 522 p. (in Russian).
7. Stefanyk, V. (1983), *Short stories* [*Novelly*], Nauka, Moscow, 288 p. (in Russian).
8. Stefanyk, V. (2000), in Demianivska, L.S. (Ed.), *My word: Short stories, stories, autobiography and critical materials, extracts from the letters*, 2nd ed. [*Moie slovo: Novely, opovidannia,*

avtobiohrafiiā ta krytychni materialy, vytyahy z lystiv, 2-he vyd.], Veselka, Kyiv, 319 p. (in Ukrainian).

9. Tkachuk, T. O. (2011), *Stanisław Przybyszewski and Ukrainian literature of the late 19th - early 20th century: reception and typology: Author's thesis* [*Stanislav Pshybyshkevskiyi i ukrainska literatura kintsia 19 - pochatku 20 stolittia: retseptsiiā i typolohiia: avtoref. dys. ... kand. filol. nauk*], Ternopil, 20 p. (in Ukrainian).

